

Ночь была глубокой, и винный дух, исходивший из покоев Ань Луна, был настолько густым, что его можно было учуять даже за дверью. Свет внутри уже погас, и казалось, что хозяин дома давно спит.

Сун Цинши стоял на пороге, поплотнее запахнул халат, поднял руку, чтобы постучать, но долго колебался, прежде чем едва слышно коснуться дерева.

Спустя мгновение дверь медленно отворилась.

В лицо ударил резкий запах спиртного, и сильные руки в темноте обвили его за талию.

— Малыш, я наконец-то дождался тебя.

У Сун Цинши закружилась голова. Не успел он осознать, что происходит, как его уже швырнули на кровать.

Его халат, который он не успел толком запахнуть, распахнулся, руки оказались намертво прижаты к постели, а по шее заструилось влажное, горячее дыхание. Хриплый голос, полный жажды, прошептал:

— Не уходи сегодня.

Сун Цинши попытался вырваться, но понял, что это невозможно. Эти парни, практикующие закалку тела, были подобны диким зверям: их грубая сила была пугающей, и бороться с ними в лоб не стоило. Он мгновенно высвободил защитное пламя, и температура его тела подскочила до жара раскаленного железа.

Ань Лун с воплем отпрянул, обжегшись, и, путаясь в одежде, скатился с кровати.

Сун Цинши зажег свечу с помощью своего пламени и холодно посмотрел на растянувшегося на полу наглеца:

— Протрезвел?

Ань Лун в ужасе вытаращил глаза:

— Почему это ты?

Сун Цинши погасил пламя, заново завязал халат и с помрачневшим лицом спросил:

— А кого ты ожидал увидеть?

— Я думал... — лицо Ань Луна стало неловким. Он обхватил обожженную руку и обиженно пробормотал: — Я думал, это пришла та девчонка по имени Хуан Лин.

Хуан Лин? Сун Цинши задумался. Он припомнил эту служанку: она пришла в Долину Царя Лекарств всего пару лет назад, совсем новичок, отвечала за уборку садов поблизости. Поскольку большинство слуг в долине были мужчинами, а женщин насчитывалось всего три-четыре десятка, причем в основном среднего возраста, юная, смышленная, бойкая и симпатичная Хуан Лин пользовалась среди них популярностью. Раньше Сун Цинши часто встречал ее во дворе, даже перекидывался парой слов, помогая разобраться с делами, но после того как Юэ Ухуань взял управление внутренними делами на себя, он ее больше не видел.

— Ты вечно твердишь, что я пью и наживаю неприятности, а сам-то зачем приперся ко мне пьяным? — видя его замешательство, Ань Лун решил перейти в наступление. — К тому же распустил волосы, вырядился так... Посмотрел бы ты в зеркало, разве я мог не ошибиться? Тебе стоит радоваться, что я не зажег свет, а то бы со страху помер.

Сун Цинши не удержался и обернулся к зеркалу: белые одежды, длинные волосы...

Что ж, пожалуй, он и правда был немного похож на призрака.

Хотя это было неприятно, но они оба мужчины, да и вышло случайно. К тому же он не такой красавец, как Юэ Ухуань, чтобы с него можно было что-то поиметь, так что не стоило тратить время на разборки.

— Ладно, — Сун Цинши великодушно сменил тему: — Когда это ты успел приударить за моей служанкой?

— Не болтай ерунды, — Ань Лун взобрался на край кровати и сел, подняв руку в клятвенном жесте: — Это она сама за мной бегала, не веришь — спроси у нее.

Он небрежно накинул верхнюю одежду, штаны сидели на нем кое-как, сползая с бедер. Он сидел развалившись, ничуть не стесняясь продемонстрировать идеальный торс с восьмью кубиками пресса. В нем было то самое обаяние плохого парня, которое так притягивает девушек.

Сун Цинши вспомнил о его славе ловеласа и снова поверил.

Ань Лун с ехидной усмешкой спросил:

— А ты зачем среди ночи ко мне пожаловал?

— Я не к тебе пришел, — Сун Цинши вспомнил о самом главном, вскочил и огляделся: — Где Сяо Бай?

Белый дракон извиваясь спустился с балки и ласково поднял голову.

Сун Цинши схватил его, строго и серьезно наставил, запретив пожирать любых крыс в Долине Царя Лекарств.

Белый дракон был весьма разумен, он закивал, показывая, что понял. Сун Цинши знал, что змей не станет проказничать, как Ань Лун, и наконец успокоился, пообещав вознаградить его вкусняшками и поиграть.

Пока человек и змей общались, Ань Лун с полуулыбкой посмотрел на дверь. Он давно заметил, что Юэ Ухуань стоит в отдалении во дворе и наблюдает за всем происходящим в комнате. Однако в поведении Юэ Ухуаня он не нашел ни единого изъяна — тот держался легко и непринужденно, словно ему было совсем не до этих глупостей.

Интересно...

Юэ Ухуань понял, что Ань Лун наблюдает за ним, поспешно поклонился и опустил голову, притворяясь, что ничего не видел.

Каждое движение было безупречно естественным.

Он был словно идеальный слуга, знающий свое место: послушный, понятливый, не смеющий и шагу ступить за черту.

Увы, Ань Лун ему не верил.

В Силине все знали: чем ярче и красивее вещь, тем она ядовитее.

...

Сун Цинши закончил наставлять дракона и собрался уходить.

Ань Лун со смехом указал на дверь:

— Твой главный ученик смотрит на этот балаган.

— Всё из-за тебя! — лицо Сун Цинши вспыхнуло. Он чувствовал, что его образ зрелого и солидного наставника в глазах Юэ Ухуаня был полностью разрушен этим мерзавцем. Он поспешно вышел прочь, уводя Юэ Ухуаня из Цзинсинь.

Когда они отошли далеко, Ань Лун поднялся и снова открыл кувшин с вином, жадно

приложившись к нему.

Чем больше он пил, тем яснее становилось в голове.

Он коснулся своей обожженной руки и усмехнулся:

— Ха, а я-то думал, что сегодня будет что-то интересное...

...

По дороге Сун Цинши объяснял Юэ Ухуаню:

— Этот парень — просто аляскинский маламут, не бери в голову, я обычно веду себя не так.

Юэ Ухуань с недоумением спросил:

— Что такое аляскинский маламут?

Сун Цинши, чей гнев еще не утих, ответил:

— Собака!

Его сестра держала такого пса — профессиональный разрушитель дома, неисправимый и невыносимо вредный. Однажды Сун Цинши выгуливал его, и из-за того, что у него самого ноги были слабыми, пес просто утащил его в реку. К счастью, вода была мелкой, он не утонул, но потом еще пришлось задабривать этого зверя вкусной едой.

Юэ Ухуань не совсем понял, но расспрашивать не стал, переведя тему:

— Слуги доложили, что за пределами Цзинсинь поймали Хуан Лин. Эта девица действительно не знала меры, пыталась соблазнить главу секты Вангу. Господин, как поступим? Может, отправим ее на ферму?

Сун Цинши подумал:

— Хорошо, отправляй.

Хотя девичьи грезы — дело невеликое, в Долине Царя Лекарств хранилось много ценных материалов, и оставлять здесь людей с сомнительными намерениями не стоило. К тому же Ань Лун был еще тем ходок, он разбил сердца бесчисленному количеству красавиц. Бывало, он

врал, что прячется в Долине, и тогда сюда заявлялись толпы разъяренных заклинательниц, начинались крики, скандалы и драки. Если бы не необходимость постоянно заниматься созданием пилюль, прежний владелец тела давно бы расправился с ним. В любом случае, такому негодяю обычная девчонка не ровня, лучше ей держаться подальше.

Юэ Ухуань согласился и слегка прикрыл нос рукой.

Сун Цинши заметил этот жест и удивился:

— Что такое?

Юэ Ухуань помедлил:

— От вас, господин, исходит... запах вина. Довольно резкий.

Сун Цинши запоздало понюхал рукав. И правда, пахло спиртным. Ему стало не по себе, и он поспешил к купальне:

— Ухуань, принеси мне свежую одежду, я хочу помыться.

— Хорошо, — улыбнулся Юэ Ухуань, — помойтесь как следует.

Сун Цинши наложил на себя несколько заклинаний очищения, а затем с радостью прыгнул в большой бассейн с горячим источником. Проплыв несколько кругов, он лег на край и украдкой потрогал свой мягкий животик. Вспомнив пресс Ань Луна и подтянутую фигуру Юэ Ухуаня, он почувствовал легкую досаду.

Раз уж он наконец обрел здоровое тело, может, стоит заняться закалкой, чтобы стать более мужественным?

Сун Цинши долго размышлял об этом.

...

Юэ Ухуань сидел на ступенях снаружи, спокойно перебирая скальпель и читая книгу.

В его глазах, освещенных светом ламп, была лишь тьма, подобная бездонной пропасти.

Как он мог не злиться?

От этого грязного типа, играющего с насекомыми, несло так, что его тошнило...

Бесчисленные горькие уроки научили его: чем сильнее гнев, тем спокойнее должен быть вид; чем сильнее отвращение, тем естественнее нужно себя вести. Никто не должен заметить ни малейшего нежелания. В такие моменты он мастерски превращал плач в смех, боль — в удовольствие, а стоны — в звуки наслаждения, заставляя мерзкого типа поверить, что все идет как надо.

А затем, затаившись в самой глубине тени...

Терпеть. Ждать.

До той самой секунды, когда придет время вонзить ядовитые клыки.

...

Сун Цинши рано встал и повел Юэ Ухуаня в фамильный склеп поклониться учителю.

В других сектах к храмам предков относились с огромным почтением, но в Долине Царя Лекарств он был спрятан в зарослях, выглядел убого и ветхо — не лучше, чем жилища слуг. Вокруг него раскинулись лекарственные сады, и Юэ Ухуань, проходя мимо, всегда считал это здание заброшенным.

Сун Цинши отворил запечатанные заклинаниями двери.

Внутри лежал толстый слой пыли, а из убранства были лишь стол, стулья да старый свиток.

— На самом деле можно было и не запирать, ценностей здесь нет, — смущенно пояснил Сун Цинши. — Столько лет не был здесь. Подожди немного, я приберусь.

Он закатал рукава, с помощью заклинания ветра сдул пыль, расставил благовония, цветы и фрукты, а затем, отряхнув руки, удовлетворенно кивнул:

— Готово.

Юэ Ухуань стоял рядом с благовониями в руках, пребывая в легком замешательстве: за всю жизнь он не видел секты, где к святыням относились бы столь небрежно.

Сун Цинши развернул свиток.

На нем не было ни имен, ни подписей — лишь бескрайнее море облаков, в глубине которого

прорезался яркий луч света.

Сун Цинши старательно объяснял:

— Я получил наследие учителя случайно, в тайном мире. Учитель не оставил своего имени, известно лишь, что фамилия его была Сун. У меня тогда не было фамилии, поэтому я взял его фамилию в знак уважения...

В мире бессмертных, где царила жестокость, было много детей, потерявших родителей. Прежний владелец тела был одним из них. Обладая врожденным даром к двум видам пламени и талантом к медицине и ядам, он случайно получил наследие Царя Лекарств, основал долину и засел в ней, занимаясь врачеванием и алхимией.

— Наследие передалось прямо в сознание, поэтому этот свиток — единственное, что осталось от учителя. Я решил, что он имеет памятную ценность, и выставил для поклонения, хотя сам не знаю, что на нем изображено...

Сун Цинши чувствовал неловкость за свои догадки и поспешил закончить:

— В общем, все рукописи, пригодные для обучения, я переписал и сложил в библиотеке, можешь читать их в любое время.

Закончив, он жестом пригласил Юэ Ухуаня возжечь благовония.

Юэ Ухуань почтительно зажег палочки, но стоило ему опуститься на колени, как они погасли.

Он зажег их снова, опустил на колени — они снова погасли.

Юэ Ухуань с тревогой посмотрел на Сун Цинши:

— Может... прародитель не желает принимать меня в ученики?

— Не может быть, ты такой умный, учитель был бы только рад, — Сун Цинши махнул рукой и задумался. — Кстати, я сам никогда не вставал на колени. Прихожу, прибираюсь, ставлю палочки и ухожу, часто забываю... Полагаю, учитель не любит поклонов. Попробуй просто поставить их.

Юэ Ухуань с сомнением вставил зажженные палочки в курильницу и просто отвесил глубокий поклон.

Благовония горели ровно и не гасли.

Юэ Ухуань не удержался:

— Не слишком ли это неуважительно по отношению к учителю?

— Учитель не любил этого. Он любил... — Сун Цинши вспомнил полученное наследие. Там были сплошные знания, почти никаких личных следов, лишь одна фраза, которая, казалось, была его девизом: — Сомневаться.

Сомневаться в авторитетах, в знаниях, во всем на свете.

Сомнение — это движущая сила научных исследований.

Сун Цинши потратил немало сил, объясняя Юэ Ухуаню свои принципы:

— Учитель не хотел, чтобы мы преклонялись перед его личностью. Он хотел, чтобы мы уважали знания и следовали его идеям. Учись усердно, исследуй внимательно. Не бойся подвергать сомнению то, что он оставил, только потому, что он учитель. Он был велик, но тоже мог ошибаться. Мы должны находить верные ответы через исправление ошибок.

Юэ Ухуань засомневался:

— Верные ответы?

Сун Цинши радостно кивнул:

— Да, я уже доказал ошибочность нескольких его теорий и исправил их.

В мире бессмертных, где почитание учителя — закон, его теория звучала шокирующе. Юэ Ухуань не находил слов.

— Возможно, в этом и есть корень создания Долины Царя Лекарств, — с мечтательной улыбкой проговорил Сун Цинши. — Если я умру, то хочу, чтобы все было как у учителя: никаких поклонов, никаких портретов, никаких имен для потомков. Это пустая трата времени. Лучше заняться исследованиями, закончить мои неоконченные дела, исправить мои ошибки...

Он не успел договорить, как Юэ Ухуань схватил его за руку, прервав его мысли.

Юэ Ухуань пристально смотрел на него, его лицо помрачнело, как небо перед грозой. Он буквально процедил сквозь зубы:

— Не говори таких зловещих вещей...

Сун Цинши наконец осознал, что происходит, и рассмеялся:

— Не волнуйся, я имел в виду естественную смерть от старости.

Студент-медик не боялся говорить о жизни и смерти, он не видел в этой теме ничего особенного.

Сердце Юэ Ухуаня бешено колотилось, он резко оборвал его:

— Не смей!

Сун Цинши понял, что тот всерьез разозлился, и, вспомнив о его психологических проблемах, послушно замолчал.

Они долго молчали, в конце концов решив сделать вид, что этого разговора не было.

...

Сун Цинши любил сладкое, особенно мороженое. Юэ Ухуань был крайне разборчив в еде, считал то, что продавалось снаружи, грязным, а в Долине не было хороших поваров, поэтому он сам изучил рецепты и каждый день готовил для господина разные десерты.

Ань Лун, обнаружив личную кухню Сун Цинши, начал совершать набеги, пытаясь заставить Юэ Ухуаня готовить и для него.

Сун Цинши пришел в ярость:

— Мой главный ученик — не прислуга!

Но маламут не слушал доводов, продолжая кланчить десерты.

— Ладно, он занят, — Сун Цинши, устав от шума, отложил книгу и закатал рукава: — Я сам тебе сделаю.

Ань Лун просиял.

Сун Цинши любил сладкое, но не был гурманом. В прошлой жизни он был избалованным господином, а в этой — прежний владелец тела скорее предпочел бы голодать, чем готовить. Так что за две жизни он ни разу не был на кухне. В его голове хранились знания о тысячах лекарственных трав, но не было места для масла, соли и уксуса.

Он долго стоял на кухне в растерянности, разбираясь в кухонной утвари, а не найдя рецептов и не зная, как разжечь дрова, просто использовал свое алхимическое пламя.

В итоге, после долгих мучений, он выставил на стол блюдо с обугленными шариками, которые были идеально одинаковыми по размеру и степени черноты.

— Это рисовые колобки, — Сун Цинши всегда был готов признать поражение. Он показал результат лишь для того, чтобы доказать, что старался, а затем посоветовал: — Наверное, они невкусные, лучше выбрось. Я велю повару приготовить тебе что-нибудь, только не приставай к Ухуаню.

Ань Лун с усмешкой посмотрел на блюдо и вдруг закинул один шарик в рот.

Сун Цинши не успел остановить маламута, опасаясь расстройства желудка.

Ань Лун долго жевал, а затем с восхищением произнес:

— Выглядят не очень, но на вкус ничего так.

Затем он с удовольствием слопал еще несколько, оставив последний.

Сун Цинши остолбенел. Неужели это действительно съедобно? Он, набравшись храбрости, отправил последний шарик в рот. Взрыв вкуса ударил по рецепторам: приторно-сладкий, с примесью странных специй и каким-то рыбным привкусом, он был хуже самой горькой пилюли.

Сун Цинши чуть не расплакался от отвращения, поспешно выплюнул остатки и уставился на «маламута», не зная, что сказать.

Ань Лун зашелся в безудержном хохоте, согнувшись пополам.

Раньше он всегда так делал: предпочитал пожертвовать собой, лишь бы подшутить над прежним Сун Цинши. Он прекрасно знал границы, за которыми начинался настоящий гнев, и всегда успешно балансировал на краю. Теперь, видя, что Сун Цинши готов взорваться, он поспешно вытер слезы, принял серьезный вид и добавил:

— Я больше не буду просить еду у Юэ Ухуаня.

Гнев Сун Цинши мгновенно улетучился.

Ань Лун с хитрецей добавил:

— В конце концов, это ведь твое первое блюдо, очень ценно, надо было попробовать.

Сун Цинши, вспомнив свое кулинарное мастерство, смутился.

Ань Лун воспользовался моментом:

— Кстати, хочешь посмотреть на моего нового гу? Он очень милый.

Сун Цинши тут же забыл о несъедобных шариках и с радостью потащил его в лабораторию.

По дороге Ань Лун спросил:

— Ты правда так печешься о Юэ Ухуане? Он чем-то болен?

Сун Цинши подозрительно посмотрел на него, не желая отвечать на личный вопрос, и отрезал:

— Не лезь не в свое дело.

Ань Лун задумчиво протянул:

— Как интересно...

Чем больше Сун Цинши запрещал ему лезть, тем сильнее ему хотелось это сделать.

Разве это не весело?

...

Юэ Ухуань, закончив тренировку с мечом, собирался в купальню. Когда он проходил по коридору, в затылок ему прилетел бумажный комочек.

Комочек покатился по полу, внутри, казалось, что-то было.

Сейчас Сун Цинши проводил эксперименты, и отвлекать его было нельзя... Юэ Ухуань послушно присел, поднял бумажку и медленно развернул ее.

Внутри оказалась жуткая двухголовая многоножка. Ее бесчисленные ножки шевелились, а из жвал сочилась мерзкая слизь. Она рвалась в бой, пытаясь прыгнуть на него.

Юэ Ухуань подумал немного, снова завернул ее в бумагу, отбросил в сторону и с раздражением произнес:

— Господин Ань, не занимайтесь подобными детскими глупостями.

— Что такое? Цинши нет рядом, и ты решил больше не притворяться паинькой? — Ань Лун со смехом вышел из-за стены и поманил рукой. Многоножка тут же выбралась из бумажки и вернулась к нему на ладонь. — У этой малышки почти нет яда, я держу ее только для того, чтобы пугать людей. Каждый раз красавицы визжат от страха, это так забавно. Почему ты совсем не боишься? Я разочарован.

Юэ Ухуань беспомощно ответил:

— Если господину так нужно, я могу для вас повизжать.

<http://bllate.org/book/22511/2377241>